

Mackinder, H. J. (1904) *The Geographical Pivot of History*. *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4. (Apr.), pp. 421–437.

Murray, W. (2012) *Hybrid Warfare. Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. New York, Cambridge University Press. 309 p.

Submission date: 24.03.2025.

Бартош Александр Александрович — кандидат военных наук, доцент, эксперт-аналитик Отдела стратегического анализа и военно-политических исследований Московского института социологических исследований, член-корреспондент Академии военных наук. Адрес: 107065, Российская Федерация, г. Москва, ул. Камчатская, 3, оф. 198. Тел.: +7 (495) 469-13-08. Эл. адрес: aerointel@mail.ru

Bartosh Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Expert Analyst, Department of Strategic Analysis and Military and Political Research, Moscow Institute of Sociological Research, Corresponding Member, Academy of Military Sciences. Postal address: 3, Kamchatskaya St., office 198, Moscow, Russian Federation, 107065. Tel.: +7 (495) 469-13-08. E-mail: aerointel@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.2.4

Россия и Запад: истоки цивилизационного противостояния (по мотивам геофилософских идей Н. Я. Данилевского)

Ю. М. РЕЗНИК

Институт философии РАН

Предмет исследования — геофилософские проблемы цивилизационного противостояния России и Запада в контексте идей Н. Я. Данилевского. Цель исследования — определение состояния и перспектив геополитического взаимодействия цивилизаций России и Запада.

В статье анализируются цивилизационные противоречия России и Запада, которые, во-первых, проявляются на онтологическом уровне как столкновение разных планов местобытия, охватывающих те или иные культурно-географические ареалы как внутри цивилизаций, так и между ними. Во-вторых, они рассматриваются на метафизическом и психологическом уровнях как истоки враждебности Европы по отношению к цивилизационному пространству России (фантомы и фобии). И, в-третьих, их анализ дается на духовно-нравственном уровне, на котором выявляются принципиально разные основания и стратегии цивилизационной идентичности, которые обусловлены местобытием России и Запада. В заключении приводятся выводы, которые раскрывают этапы исследования.

Ключевые слова: Россия; Запад; Европа; Н. Я. Данилевский; цивилизация; местобытие; геософия; державность; соборность; народное чувство; патриотизм; самопожертвование

*РОССИЯ И ЗАПАД: РАЗЛИЧИЕ ПЛАНОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БЫТИЯ
(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)*

Как известно, человечество, по Н. Я. Данилевскому, не образует единого целого, Объединенного общей целью. Оно распадается на отдельные цивилизации, каждая из которых характеризуется как культурно-географический ареал или как совокупность ареалов, связанных родственной культурой (или культурами) и общими интересами/целями. Цивилизация есть «...последний предел, до которого может и должно простирается подчинение низших интересов высшим, пожертвование частных целей общим» (Данилевский, 2024: 158). Она вбирает в себя все стороны бытия народов — науку, религию и искусство, политическое, гражданское, экономическое и социальное развитие (там же: 191). И связывает все это воедино язык как этнолингвистический фактор цивилизационного развития страны/региона.

Цивилизация определяется в первую очередь географическими и временными рамками. Она имеет пространство своего существования и конкретный период возникновения и развития. Мне уже приходилось писать о том, что цивилизация, с точки зрения Данилевского, укоренена в том месте, где мы живем (Резник, 2020). Это относится и к культуре, а точнее — к культурно-историческому типу народа, который сформировался в определенных географических условиях, что как раз и отличает единый культурно-географический ареал. Земля выступает в качестве материнского лона такого ареала, а культура — ее семян. Это живая в буквальном смысле и одухотворенная территория, с которой народы породнены посредством культуры. Она подобна материнскому лону, которое заботливо и бережно выращивает своих детенышей — будущих представителей цивилизации.

В этом контексте геософия может быть понята как мудрость, идущая из «глубин» земли, на которой живут те или иные народы и прорастают семена их культур. Она включает в себя план местобития народов, проживающих на данной территории. Это культурно заданный способ организации места (системы мест) и способов его обеспечения, которые отдельные люди или народы принимают в двух вариантах: либо как рефлексивную часть образа актуального бытия (топос), либо как образ желаемого для него будущего состояния места (проект). План местобития есть представление о состоянии и перспективах разворачивания исторически сложившейся конфигурации мест (регионов), которая соответствует логике данной культуры и складывается в той или иной цивилизации или стране.

Могу предположить, что в основе развития большинства известных нам цивилизаций имеется, как минимум, два плана местобития — имманенция (присвоение места бытия для реализации своекорыстных интересов) и трансценденция (подчинение месту, наделение его высшими, потусторонними смыслами).

Имманенцию как план бытия следует рассматривать как присвоение места (региона), которое отличается собственническим и потребительским отношением к нему. И это — ее «внешнее» пребывание (пребывание с местом, а не в самом месте), в котором на поверхности лежат гедонистические устремления. Пребывать с местом, рассматривая его как собственность и используя в своих корыстных интересах, — еще не означает быть с ним в органическом единстве. В плане имманенции земля перестает быть подлинной «территорией жизни» для людей. Она подменяется «экзистенциальной территорией», удовлетворяющей личные амбиции представителей элиты, или «территорией смыслов» как образов-желаний, выдаю-

щих себя за настоящее место (воображаемый регион). Именно так значительная часть элиты западных стран относится к внешним регионам своего бытия (бывшим колониям или зависимым территориям), беспощадно эксплуатируя их ресурсы в личных или корпоративных целях.

Совершенно иначе складывается план трансценденции, присущий, как правило, восточным цивилизациям. Трансценденция (как «пребывание за пределами» места или устремленность к запредельному посредством «фигур духа», трансцендентных смыслов) характеризует осознанную народом опосредованность места культурой и другими надличностными факторами. В отличие от имманенции это «внешняя» и потусторонняя связь (Резник, 2017), в ней также невозможно пребывание в месте. Это скорее пребывание над местом, растворение в чем-то более возвышенном (Боге, Идее), чем оно само. И здесь на сцену выходят возвышенные идеи или религиозные верования народов, олицетворяющие собой тот или иной культурно-исторический тип. Следовательно, местобытие цивилизации в трансценденции выступает двояким образом: как мир идей, властвующих над людьми и подчиняющих себе место их бытия (идеократия в представлении классических евразийцев), и мир божественного, локализованного в конкретном месте-регионе (теократия).

Таким образом, трансценденция, как и имманенция, не может быть в полной мере органической связью человека и места, выступая преимущественно как фактор потустороннего существования. В этом смысле быть блюстителем места для народа означает подчиняться его сакральной или идеократической логике трансцендирования. Другими словами, такое место выступает скорее религиозным убежищем народа или пристанищем властвующих над ним идей. Для верующего человека им становится храм господний, являющийся воплощением божественного замысла, а для носителя высокой идеи — идеальный мир, в котором, как считается, сбываются все его мечты.

Возможен и «смешанный» вариант плана местобытия цивилизации, когда имманенция и трансценденция присутствуют одновременно, хотя и в разных соотношениях или пропорциях. Так, например, история китайской цивилизации насчитывает несколько тысячелетий, на протяжении которых сменилось множество династий. Но ее план местобытия демонстрирует нам удивительное постоянство, и он оказался более жизнеспособным, чем у цивилизаций, прекративших свое существование.

Наконец, я не исключаю существования иных планов бытия. Так, наряду с имманенцией и трансценденцией многим народам присущ план экологизации местобытия как породнения с местом, установление с ним паритетных отношений.

Кроме того, у каждой цивилизации имеется свой ареал (место обитания, опосредованное культурой), который соответствует плану местобытия народов. С точки зрения Н. Я. Данилевского, «Европа есть сама германо-романская цивилизация» (Данилевский, 2024: 93). Он считает, что средиземноморские (греческая и римская) цивилизации не являются ее прямыми предшественниками, а распространили свое влияние, как минимум, на три континента — Европу, Азию и Африку. «В культурно-историческом смысле то, что для германо-романской цивилизации есть Европа, тем для цивилизации греческой и римской был весь бассейн Средиземного моря...» (там же: 94). А значит, их можно считать прародиной последовавших за ними цивилизаций, в том числе византийской и арабо-мусульманской.

По мнению Данилевского, все ушедшие и ныне существующие цивилизации внесли свой вклад в становление последующих цивилизаций: философия и искусство — заслуга греческой цивилизации, право и политическая организация — римской, а достижения естественных наук и рыночная экономика — романо-германской (там же: 190).

В процессе цивилизационного развития средиземноморского региона произошла развилка: романо-германская цивилизация пошла по пути имманенции, т. е. присвоения места своего бытия и расширения зоны влияния посредством колонизации Северной и Южной Америки, Австралии, значительной части Африки и Юго-Восточной Азии. В византийской и арабо-мусульманской цивилизациях утвердился план теократической трансценденции. В дальнейшем именно византийская цивилизация послужила одним из факторов формирования цивилизационной идентичности России.

Кроме того, каждая цивилизация имеет свой период существования и развития. Ей предшествует этнографический период, «начинающийся с самого момента выделения культурно-исторического племени от сродственных с ним племен...» (там же: 161). «Под периодом цивилизации я разумею время, в течение которого народы, составляющие тип, — вышли из бессознательной чисто этнографической формы быта (что, собственно, должно бы соответствовать так называемой древней истории), создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц (что, собственно, составляет содержание всякой средней истории), — проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния» (там же: 160). На пике цивилизационного развития страны и народы достигают, как правило, наивысшего подъема в области науки и искусства.

Могу предположить, что цивилизации уходят с исторической арены, исчерпав свой план местобытия, который разделяют большинство жителей. По словам Н. Я. Данилевского, древнегреческая цивилизация просуществовала примерно шесть столетий (от начала V в. до н. э. до завершения функционирования Александрийской школы в III в. н. э.), древнеримская — в течение четырехсот лет (там же). Возможно, одной из главных причин распада и гибели этих цивилизаций стало прекращение действия плана имманенции.

Географически Россия принадлежит Евразии, а в культурном плане она, находясь на перекрестке, испытывает влияние двух континентов — Европы и Азии. Их пересечение и составляет ее ареал — живую территорию, организованную политически государством, населенную разными народами и оплодотворенную их культурами. Приращение земель и расширение России до пределов данного ареала — это путь ее становления как отдельной (державной по сути) цивилизации. При этом каждой из моделей цивилизационного развития соответствует своя форма межкультурного взаимодействия (аккультурации). Для Запада как цивилизации имперского типа характерны такие механизмы, как подчинение, поглощение и ассимиляция, а для России как державной цивилизации свойственны в большей степени сотрудничество и культурная интеграция.

Очевидно, что каждая страна имеет право на собственный цивилизационный выбор, а каждая нация — на свое предназначение. Об этом убедительно писал

и Н. Я. Данилевский: «...всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той мере, в какой сама его осознает и имеет на него притязание...» (там же: 42). Кроме того, каждая историческая нация имеет собственную задачу или идею, предпосылкой которой выступает, по Данилевскому, «национально-политическая независимость». «Исторический народ, пока не соберет воедино всех своих частей, всех своих органов, должен считаться политическим калеккою» (там же: 43). Следовательно, право на собственную цивилизацию имеют в первую очередь исторические нации или народы. Исходя из данного права, народы России обязаны защищать свои национальные и цивилизационные интересы.

В результате столкновения с имперской, по сути, западной цивилизацией и в связи с потерей прежнего политического влияния внутренние регионы нынешней российской цивилизации (Прибалтика, Украина, некоторые республики Закавказья) стали внешними и оказались в сфере влияния Запада, и прежде всего США. Их элиты избрали для себя западный путь развития и проявили желание присоединиться к Европейскому союзу, чего нельзя сказать с уверенностью о народах этих стран. Так, цивилизационное пространство современной России было разрушено в очередной раз и оказалось раздробленным. Но тело цивилизации, сопряженное с единым культурно-географическим ареалом, никуда не исчезло. Пока нас связывают с соседями культурные узы и мы общаемся с ними на русском языке, оно продолжает существовать. Так что борьба за влияние на внешние регионы российской цивилизации продолжается.

Однако цивилизационное противостояние России с Западом имеет не только объективные последствия (например, распад СССР), но и метафизические предпосылки, о чем свидетельствует сложный опыт ее взаимоотношений с Европой.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВРАЖДЕБНОСТИ ЕВРОПЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФАНТОМЫ, ФОБИИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ

На протяжении веков у России складывались сложные отношения с европейскими государствами, чьи агрессивные и враждебные устремления так детально описал Н. Я. Данилевский применительно к XIX в. Он писал, в частности, что именно Европа претендует на «окончательную форму человеческой культуры, которую остается только распространить по лицу земли, чтоб осчастливить все племена и народы» (там же: 106). Именно ей принадлежит, как считают сами европейцы, право направлять всемирно-исторический процесс в «правильное русло». «Под лозунгом своего общечеловеческого характера европейская цивилизация стремится охватить весь земной шар и навязать себя как образ жизни всем неевропейским народам» (Смирнов, 2019: 123).

Однако, будучи прародиной целого колониального мира, Европа так и не приняла методы цивилизаторства, которые применяла Россия на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии. «Если же разбирать дело по совести и чистой справедливости, то ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием — в дурном, антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле» (Данилевский, 2024: 61). Это относится, с точки зрения Данилевского, и к разделу Польши, который, «насколько в нем принимала участие Россия, был делом совершенно законным и справедливым, был исполнением священного долга перед ее собственными сынами...» (там же: 54).

Совсем иначе, по словам Данилевского, поступала Англия — владычица огромной империи, завоевавшая Кельтское государство, поработившая народы Индии, отнявшая Гибралтар у Испании, Канаду у Франции и присвоившая множество других земель. Цена такого порабощения — сотни тысяч человеческой жизни и миллионы покалеченных судеб. Такую же кровавую колониальную политику осуществляли Франция, Австрия, Германия, а ныне США. Им ли судить о завоеваниях России? «Откуда же и за что же, спрашиваю, недоверие, несправедливость, ненависть к России со стороны правительств и общественного мнения Европы?» (там же: 67).

А дело заключается в следующем. Ведущие страны Европы, потерявшие в конце концов большинство своих колониальных владений, до сих пор испытывают фантомные боли, как будто часть их органов уже отняли, и они напоминают им о прежних потерях. Другую же часть могут в один прекрасный момент отнять. Но ведь Россия никогда не была частью колониального мира Европы, по крайней мере, ее западной части. К тому же русские приходили на территорию Западной Европы, только отвечая на военную агрессию с ее стороны. И все же именно Россия по-прежнему вызывает чувство неосознанной тревоги у Европы.

Об этом и многом другом размышлял Н. Я. Данилевский еще в позапрошлом веке. С его точки зрения, Россия для Европы всегда была помехой. Можно добавить, что и исторической погрешностью тоже или, по словам Шпенглера, псевдоморфозой, т. е. образованием, заполнившим «чужое, не принадлежащее ей место — то, которое должно быть отдано подлинно европейским формам. Псевдоморфоза — это заполнение чужого пространства и вытеснение жизнеспособного старой, отжившей формой» (Смирнов, 2019: 124). Нужно признать, что Россия никогда не заполняла чужое пространство. Приобретенные территории ей принадлежат по праву освоения. О чем же тревожится коллективное бессознательное европейцев, порождающее чудовищные фантомы и переживающее изощренные фобии или экзистенциальные страхи?

Фантом первый — призрак России как гигантской массы и необъятного пространства (мегаллофобия). Как писал Н. Я. Данилевский, Россия, по словам самих же европейцев, подавляет Европу своей гигантской массой. Она представляется ей «нависшей тучей» или огромной волной, которая в любой момент может смыть Европу в океан.

Даже сейчас, когда Россия значительно уменьшилась в территории по сравнению с царской империей или Советским Союзом, ее продолжают опасаться. А значит, этот призрак, как и призрак коммунизма в XIX в., о котором писали авторы «Манифеста», продолжает бродить по Европе. И это не что иное, как страх перед необъятными просторами России, на фоне которых Европа как географический регион теряется из виду, чувствует себя небольшим придатком. В психологии такое состояние называют мегаллофобией (страхом перед большими объектами — высокими горами, огромными зданиями, плотинами и прочими гигантскими сооружениями). Таким объектом, оказывается, может выступать и большая страна. Особый трепет и нескрываемое раздражение Россия вызывает у политических элит малых европейских государств, которые когда-то были в составе Российской империи.

Парадоксально, но факт: для того чтобы нас перестали бояться, надо стать маленькими и ничтожными, уступив большую часть своей территории геополитиче-

ским противникам, и вообще перестать быть великой державой. Ведь величие, как и огромные географические размеры страны, пугает и вызывает панический страх у политических элит некоторых европейских государств. Но не думаю, что Россия должна перестать быть державной цивилизацией, чтобы соответствовать ожиданиям своих геополитических противников.

Фантом второй — Россия как душительница или гонительница свободы и демократии в Европе (страх перед ограничением свободы). В представлении некоторых европейских мыслителей Россия выступает «гасительницей света и свободы, темной и мрачной силой» (Данилевский, 2024: 68). Страх ограничения свободы является одним из самых сильных экзистенциальных страхов. Это «особая группа страхов, связанная... с самой сущностью человека... Люди... испытывают страх перед ограничением их свободы, которая является для них главной жизненной ценностью» (Щербатых, 2006: 176). Думаю, что экзистенциальными можно считать и страхи, возникающие у больших общностей людей, которые боятся потерять свою независимость и оказаться в рабстве.

Но разве Россия несет угрозу порабощения европейским странам и народам? Сколько раз она защищала их от внешних завоеваний и собственного произвола. Но миф о тоталитаризме российского государства и характерной для него авторитарной власти воспроизводится снова и снова. Между тем в XX в. именно Европа, опасавшаяся прихода тоталитарного государства с Востока, сама взрастила еще более чудовищный вариант тоталитаризма — фашизм. И из якобы свободной, просвещенной и демократической большая часть Европы всего лишь за одно десятилетие превратилась в систему господства арийской расы и массового геноцида. А это значит, что то, чего больше всего опасаются европейцы, включая испытываемые ими экзистенциальные страхи, глубоко укоренено в их коллективном бессознательном и вызвано их же собственным поведением.

Не Россия несет ответственность за страшную Варфоломеевскую ночь, кровавые по своим последствиям крестовые походы XI–XV вв., колониальные завоевания, акты преследования инакомыслящих в период инквизиции, а также первые в мире концлагеря (например, тюремные учреждения для содержания бургундских семей, организованные колониальными властями во времена Англо-бургундской войны 1899–1902 гг.), и т. д. Всех преступных акций европейских государств не перечислить. Поэтому бояться нужно не России и русских, а того страшного зверя, который сидит внутри благополучного с виду европейца и время от времени вылезает наружу и жестоко набрасывается не только на своих соседей, но и на соотечественников, отличающихся от него своими убеждениями или расовыми признаками.

Отсюда следует, что Россия с ее примирительной ролью чаще всего спасала европейские народы от порабощения и физического уничтожения. Частичные же ограничения свободы, как правило, были связаны с необходимостью усмирить чело-веконенавистническое начало, пробуждающееся в худшие времена даже у самых передовых и открытых обществ Европы. Можно назвать это со стороны России «принуждением к миру» или как-то иначе, но другого способа справедливого возмездия и восстановления устойчивого миропорядка человечество пока не изобрело.

Фантом третий — Россия как ненавистный Спаситель. Страх быть благодарным перед своим благодетелем (доксофобия). О том, что Россия неоднократно

спасала Европу или отдельные европейские страны от порабощения, выступая в роли спасителя, писал и Данилевский. Он размышлял, в частности, об актах спасения Европы от Наполеона, а затем и самой Франции — от мести соседних держав. Впоследствии Россия еще не раз спасала Европу. Самая большая жертва, принесенная ею во имя спасения мира в Европе, была сделана во время Второй мировой войны. А страны Восточной Европы обязаны ей во многом своим существованием. И каждый раз эти страны отвечали ей откровенной неблагодарностью, а иногда и враждебными акциями, что свидетельствует о страхе выразить благодарность тому, кто является твоим благодетелем, гораздо более сильным и могущественным, чем ты (разновидность доксофобии).

Возможно, чтобы избежать подобного негативного восприятия со стороны европейских стран как жертв чужой агрессии, надо перестать спасать и предоставлять их собственной участи. Сегодня большинство из них оказалось марионетками в руках нового геополитического гегемона — США. Так пусть же выпьют свою чашу пострадавших от неокOLONиальной политики до конца. Стоит ли проявлять материнскую заботу о тех, кто тебя отторгает и ненавидит? И все-таки стоит, если мы хотим воссоздать цивилизационное пространство России и установить добрососедские отношения с теми внешними регионами, которые пока еще тяготеют к единому культурному центру.

Фантом четвертый — Россия как скрытый Агрессор (социофобия). Агрессия неразрывно связана с притязанием на чужие земли и их завоеванием. «Завоевание есть политическое убийство или, по крайней мере, политическое изувечение...» (Данилевский, 2024: 42). Так справедливо полагал Н. Я. Данилевский, подчеркивая вместе с тем преимущественно ненасильственный характер освоения Россией новых земель.

Надо признать, что Россия никогда не вела завоевания, если ей напрямую не угрожали извне. Значительная часть территории России досталась ей не в результате колониальных войн, а путем относительно мирного присоединения пограничных земель или «примирения» агрессоров. Но, как правило, русские приходили по просьбе коренных жителей, с которыми складывались добрососедские отношения, чтобы защитить их от завоевателей.

К тому же Россия не претендовала на удаленные от нее земли, если их народы не сотрудничали с ней. Это относится и к русской Аляске, которая перешла к США при несколько неясных в юридическом плане обстоятельствах. Эти исторические события трудно опровергнуть, хотя попытки пересмотреть отечественную историю предпринимались и предпринимаются неоднократно.

Нужно признать, что России не раз приходилось уступать свои территории в ходе очередных войн. Значит ли это, что сегодняшняя страна должна потерять часть своих земель дабы сохранить с ними добрососедские отношения? Конечно же, нет. Ведь каждая пядь русской земли полита кровью наших великих предков, которые отстаивали ценой своей жизни независимость страны. И это дает нам, ныне живущим поколениям, историческое право на защиту своей большой родины и утверждение ее всемирно-исторической роли.

Фантом пятый — Россия как антизападная страна (фобия антизападничества). Здесь многое строится на представлениях об антизападном характере России и идей ее мыслителей, которые распространяют преимущественно сами западники. При этом славянофилы, Данилевский и его последователи объявлялись ими анти-

западниками, невзирая на то что они «признавали великое значение Европы и самой по себе, и для России» (Смирнов, 2019: 120). Что же касается Данилевского, то он «...никогда не отрицал значение европейского культурно-исторического типа и того факта, что тот представляет одну из высоких ступеней в развитии человеческого духа — такое отрицание невозможно представить себе в контексте его теории культурно-исторических типов» (там же: 121).

Нужно признать, что Россия не строила свою цивилизацию на отрицании других цивилизаций, в том числе западной. Однако те государства, которые отрицают существование самой России, имели место в истории и по-прежнему не скрывают своих притязаний. Именно их представили распространяли и продолжают сегодня распространять мифы о ее антизападной природе и идущей от нее угрозе. «Есть общая логика столкновения с более сильной культурой» (там же: 119). Как показывает А. В. Смирнов, антиевропеизм Данилевского носит оборонительный характер. Это Европа своими агрессивными действиями заставляет Россию время от времени вырабатывать меры противодействия. Так что Данилевский лишь предупреждал об опасностях, которые угрожают России со стороны Европы. Поэтому его «идея противостояния Европе — это не идея отрицания Европы, а идея обороны от ее экспансионизма» (там же: 123). С этим выводом я готов согласиться.

Таким образом, российская цивилизация формировалась на протяжении столетий в жестком противоборстве с Европой и с Западом в целом. При этом она представлялась в сознании многих европейских элит как варварская и агрессивная страна, угрожающая их свободе (экзистенциальные страхи) и вызывающая у них разные фобии своим могуществом и географическими масштабами. На самом же деле Европа с ее имперскими традициями и колониальным опытом не может принять Россию как державную цивилизацию, отстаивающую право на собственное местобитие в мире. И для этого у последней имеются все основания.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ И ЗАПАДА

Дух нации (народа) обитает в теле цивилизации. Цивилизация, как считает Данилевский, раскрывает духовные начала народов, проживающих в одном местопро пространстве (культурно-географическом ареале) (Данилевский, 2024: 152). Другими словами, принадлежность к последнему определяется духовной природой этих народов. А это и есть не что иное, как цивилизационная идентичность страны, которая складывается на срединном уровне, опосредуя отношения между национальным и мировым уровнями.

Может быть, причина непрекращающегося обмана России и попражнения ее национальных интересов со стороны европейских государств кроется как раз в ее особой идентичности, сопряженной с нравственным подвижничеством, стремлением выполнять свою служебную роль до конца и тем самым выступать хранительницей существующего миропорядка? При этом, спасая другие цивилизации, она никак не может вернуть себе в полной мере свою собственную цивилизационную сущность — державность и народность (или народную державность).

А может быть, в этом служении и состоит ее цивилизационная миссия — исходя из чувства исторической справедливости быть распорядительницей и посредницей в отношениях между цивилизациями Запада и Востока, а также в том, чтобы спасти те и другие от них же самих? Но как бы там ни было, России давно пора

вернуться в собственное цивилизационное лоно и позаботиться о своем местобытии (культурно-географическом ареале), разрушение или сворачивание которого уже привело ее к очередному духовному кризису.

Подобно тому как каждый человек в своей деятельности исходит из законов жизни — «временного спокойствия, счастья, благоденствия», точно так же у государства или народа имеется собственный дух, который не исключает временности их существования (Данилевский, 2024: 53). Если во внешней политике государств и в отношениях между ними преобладают национальные интересы и принцип утилитарности, то цивилизация может существовать, основываясь только на собственных ценностях и идеалах. Еще раз подчеркиваю, воюют, как правило, государства, системы или военно-политические союзы государств, а цивилизации противостоят друг другу как разные системы идеалов и ценностей, формирующие вполне определенный способ местобытия и соответствующий ему тип культурной идентичности.

А, как известно, идеалы у российской и западной цивилизаций, в том числе европейской (романо-германской), оказываются разными. В основе первой лежит, по Данилевскому, народное (традиционное) начало, тяготеющее к самопожертвованию и справедливости, а второй — «требования преуспевания и прогресса», обуславливающие индивидуализм и корпоративный этос господствующих социальных групп. Поэтому у России нет общеевропейской идентичности. «Россия не участвовала в европейской истории, событийной и интеллектуальной; у нее нет латинского наследия в смысле религии и в смысле языка... Данилевский находит срединную идентичность России как общеславянскую» (Смирнов, 2019: 127). Этим Данилевский отличается не только от западников, но и от евразийцев.

Как считал Н. Я. Данилевский, русский мир является, с одной стороны, носителем державности, народного чувства, истинного патриотизма и способности к самопожертвованию. Но это только одна, традиционная часть цивилизационной идентичности России. С другой стороны, ей присущи заимствованные черты: ориентация на Европу (европеизм), внешний патриотизм и стремление к преуспеванию (выгоде). А это значит, что цивилизационная идентичность России с самого начала носила двойственный характер.

Первое основание — *державность* — олицетворяет собой прежде всего мощь, силу и авторитет великого государства, охватывающего конкретный культурно-исторический ареал (совокупность человеко-мест) и распространяющего свое влияние далеко за пределами страны. Вместе с тем держава — это объединительный (или объединяющий) центр, вокруг которого складываются анклавы, родственные в культурном отношении и разделяющие идею служения объединенному государству (союзу государств).

Еще одно (второе) основание российской идентичности — *соборность*. «Соборность предполагает собранность всех. Это означает, что если не хватает хотя бы одного, то теряется полнота истины... Всесубъектность и все-ценность (ценность каждого, невозможность пожертвовать хотя бы одним), таким образом, оказываются органичны для этого мировоззрения» (Данилевский, 2024: 130). Соборность, понимаемая как всесубъектность, утрачивает здесь религиозный характер. Каждый должен быть субъектом, ничей голос не должен быть потерян, поскольку он важен для понимания истины. Соборность вбирает в себя, кроме религий, общие эстетические, политические и экономические аспекты местобытия.

Кроме того, надо собрать лучшие достижения на каждом этапе развития. Собирать — это значит соединять вокруг одного дела или идеи, соединять части в один организм.

Третье основание — *народное чувство*. Как пишет Данилевский, данное чувство «не имеет нужды ни в каком логическом оправдании; оно, как всякое естественное человеческое чувство, само себя оправдывает и потому всегда сочувственно...» (Данилевский, 2024: 102). Сочувствие лежит в основе этого чувства. А еще к нему нужно добавить милосердие и стремление к справедливости. Во все времена государственная власть вынуждена была считаться с выражением народного чувства, иницируя различные народные представительства (народные вече, собрания, фронты, фонды и пр.). Возможно, для этого были созданы в свое время и суды присяжных. Формальное право, закрепляющее власть сильнейшего, не может заменить собой чувств сострадания и милосердия, которые неразрывно связаны с поиском справедливости («народной правды») и составляют неразрывную часть цивилизационной идентичности России.

Четвертое основание — *истинный русский патриотизм*, который «проявляется только в критические минуты» (там же: 101). Ему противостоит, по мнению Данилевского, «внешний» политический патриотизм. Его представители среди российской элиты рассуждают примерно так: «...Я люблю свое отечество, но должен сознаться, что проку в нем никакого нет. Под таким внешним политическим патриотизмом кроется горькое сомнение в самом себе, кроется сознание жалкого банкротства. Он как бы говорит себе: я ничего не стою; в меня надобно вложить и вдунуть дух извне, с Запада... К чему заботиться о скорлупе, не заключающей в себе здорового ядра... Если внешнее влияние благотворно, то не лучше ли, не сооразнее ли с целью широко открыть ему пути — расшатать связь, сплывающую массу, дать простор действовать чуждым, посторонним элементам высшего порядка...» (там же: 102–103). Ведь куда проще такое ядро позаимствовать извне, а вместе с ним принять и этот «высший порядок», т. е. план бытия и соответствующую ему модель цивилизации. Увы, данные слова русского мыслителя относятся и к позиции значительной части нынешней политической элиты России.

А как же быть с «внутренним» или истинным политическим патриотизмом? Он, как уже было сказано, проявляется в критические минуты, т. е. в момент, когда стране угрожает реальная опасность быть уничтоженной или поработенной. Именно такой патриотизм свойственен части политической элиты и народному большинству страны.

Наконец, пятое основание цивилизационной идентичности России — *способность к самопожертвованию*. «Требование нравственного образа действий есть не что иное, как требование самопожертвования. Самопожертвование есть высший нравственный закон. Но единственное основание для самопожертвования есть бессмертие, вечность внутренней сущности человека...» (там же: 53). И эта сущность есть величайшая потребность русского духа.

Самопожертвование выступает предпосылкой цивилизационного строительства России на всем протяжении ее истории. Русский народ всегда жертвовал собой ради сохранения мира и устранения исторической несправедливости. «...Россия не честолюбивая, не завоевательная держава... в новейший период своей истории она большей частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам, часто даже считала своею обязаннос-

тью действовать не как самобытный организм (имеющий свое самостоятельное назначение, находящий в себе самом достаточное оправдание всем своим стремлениям и действиям), а как служебная сила» (там же: 67). Все это указывает на служебный характер и державность российской цивилизации, которые противостоят имперским амбициям цивилизаций Запада и Востока.

Следовательно, в рамках цивилизационного развития России происходит столкновение двух полярных идентичностей: державность, соборность, народное чувство и внутренний патриотизм, с одной стороны, соотносятся с европеизмом, чувством выгоды и внешним патриотизмом, с другой, самопожертвование — со склонностью к самоуничтожению и зависимостью, а справедливость — с правом сильного. Очевидно, что представителям буржуазно-корпоративного крыла субъектов цивилизационного развития сегодняшней России (части политической и экономической элиты) в большей мере свойственны образцы заимствованной цивилизационной идентичности, привнесенные, как правило, с Запада. Однако нельзя отрицать наличие у правящего класса России «двойных» цивилизационных стандартов: смещение идеалов, традиций и инноваций, народного чувства и чувства выгоды, справедливости и права сильного, освоения и присвоения мест бытия. Именно данный фактор и неуверенность значительной части этого класса в собственном цивилизационном выборе тормозят, на мой взгляд, дальнейшее цивилизационное развитие страны.

Именно поэтому в стране установилась «смешанная» модель цивилизационного развития, которая сверху представлена авторитарным государством и крупными, буржуазными по духу, корпорациями, распространяющими свое влияние на все регионы, а снизу — стихийным движением народных групп, укорененных в культурном плане в разных регионах, но не организованных в единую политическую силу и, следовательно, представляющих собой разрозненную массу. При этом у обеих сторон сложились разные способы местобития: с одной стороны, корпоративно-бюрократическое присвоение места и подчинение внутренних регионов цивилизации (использование имеющихся у них ресурсов в интересах корпораций, в том числе приватизация бывшей региональной собственности), с другой — освоение места, гармонизация отношений с регионами как средой своего существования.

Полагаю, что для формирования цивилизационной идентичности сегодняшней России нужен иной план местобития, который позволит преодолеть ограничения имманенции и трансценденции, т. е. издержки формального пребывания с местом или «растворения» в его трансцендентных смыслах. При этом геософия позволяет признать ее идентичность местоцентричной, а экософия поможет установить сбалансированные отношения с местом (регионом), и прежде всего с природным окружением. И главный критерий здесь — «породнение» народов со своим местом (регионом), становление их в качестве локальных (местных) сообществ, которые следуют законам сбережения места и всей среды существования.

Таким образом, под воздействием Запада и внутренних процессов цивилизационная идентичность России оказалась разорванной в духовно-нравственном смысле: с точки зрения народного начала она представляет органический сплав державности, народного чувства (сочувствия — милосердия — справедливости), истинного («внутреннего») патриотизма и стремления к социальной справедливости, а с точки зрения буржуазно-корпоративного начала — сопряжена с приверженно-

стью западным культурным идеалам (западнизм, европеизм или европейничанье), являющимся, в свою очередь, следствием неуверенности в собственном выборе, а также внешним политическим патриотизмом и стремлением к личной или корпоративной выгоде.

Такая раздвоенность идентичности связана с разными способами местобития: опора на собственное место, установление гармонических отношений с ним или присвоение места и отношение к стране как к внешнему региональному контуру и источнику ресурсов, являющихся предметом наживы. Вот почему России так трудно вернуться в собственное цивилизационное лоно и обрести наконец свое цивилизационное «Я».

Преодолеть эту раздвоенность российской идентичности может, на мой взгляд, укрепление державности и связанного с ней истинного патриотизма, с одной стороны, и ориентация на новый план местобития — экологизацию как способ сбалансированного развития страны, направленного на сбережение ее исторического местобития, с другой стороны. Но это уже тема другого исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Цивилизация устанавливает предел развития культурно-исторического типа тех или иных стран и народов, которые в силу этого становятся историческими, способными подчинять свои интересы высшим целям и имеющими собственную цивилизационную миссию. Народы, входящие в «тело» цивилизации, привязаны к месту (земле) и располагают собственной геософией, которая развивается вместе с их мировоззрением на протяжении веков.

2. Каждая цивилизация располагает конкретными условиями места (пространства) и времени (период существования), которые опосредованы культурой, образуя тем самым единый пространственно-временной континуум или культурно-географический ареал. Она состоит из внутренних регионов, очерченных государственными границами, и внешних регионов — сопредельных и родственных в культурном плане территорий, которые дополняют и завершают целостный образ цивилизации.

3. Российская модель цивилизации формируется на пересечении Запада и Востока путем расширения и освоения новых земель («живых» и культурно породненных территорий). Движение на Восток и освоение земель Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока продиктовано исторической необходимостью укреплять свои рубежи и устанавливать справедливую защиту коренных народов, которые естественным образом и на добровольной основе вошли в состав российской цивилизации. Собрание земель происходило преимущественно путем принуждения агрессоров к миру и создания братского союза народов.

4. По Н. Я. Данилевскому, в отношениях Европы и России существуют не только цивилизационные противоречия, но и враждебность, имеющая метафизические и психологические истоки (фобии и экзистенциальные страхи). Европа, с его точки зрения, воспринимает Россию сквозь призму различных фобий: боязнь гигантского пространства (мегалобия), боязнь потерять свободу (экзистенциальный страх), страх перед могущественным спасителем (доксофобия), страх перед возможной агрессией (социофобия).

5. Цивилизационная идентичность России и Запада определяется разными духовно-нравственными факторами. России присущи такие особенности, как дер-

жавность, служебная роль и посредничество в достижении мира между соседними странами, народное начало, а также ценность преуспевания и прогресса. На Западе же возобладали буржуазно-корпоративные установки — преуспевание, накопление и нажива, противостоящие народному началу, сопряженному с самопожертвованием, милосердием и исторической справедливостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилевский, Н. Я. (2024) *Россия и Европа*. М. : Рипол Классик. 768 с.
- Резник, Ю. М. (2017) *Феноменология человека: бытие возможного* : монография. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация». 632 с.
- Резник, Ю. М. (2020) Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуальной реконструкции) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. №4. С. 10–22.
- Смирнов, А. В. (2019) *Всечеловеческое vs общечеловеческое*. М. : ООО «Садра», Изд. дом ЯСК. 216 с.
- Щербатых, Ю. В. (2006) Проблемы классификации экзистенциальных страхов личности // Национальные проекты как фактор созидания современной России : сб. науч. трудов региональной межвуз. науч. конф. Воронеж : ВФ МГЭИ, 2006. С. 176–178.

Дата поступления: 12.05.2025 г.

RUSSIA AND THE WEST: THE ORIGINS OF CIVILIZATIONAL CONFRONTATION (BASED ON THE GEOPHILOSOPHICAL IDEAS OF N. YA. DANILEVSKY)

Y. M. REZNIK
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The subject of the research is the geophilosophical problems of the civilizational confrontation between Russia and the West in the context of the ideas of N. Ya. Danilevsky. The purpose of the study is to determine the state and prospects of the geopolitical interaction between the civilizations of Russia and the West.

The article analyzes the civilizational contradictions between Russia and the West, which, firstly, manifest themselves on the ontological level as a clash of different planes of locality, covering various cultural and geographical areas, both within and between civilizations. Secondly, they are considered on the metaphysical and psychological levels as the origins of Europe's hostility towards the civilizational space of Russia (phantoms and phobias). And, thirdly, their analysis is given at the spiritual and moral level, which reveals fundamentally different foundations and strategies of civilizational identity, which are determined by the location of Russia and the West. The conclusion provides findings that reveal the stages of the study.

Keywords: Russia; West; Europe; N. Ya. Danilevsky; civilization; locality; geosophy; statehood; conciliarity; national feeling; patriotism; self-sacrifice

REFERENCES

- Danilevskiy, N. Ya. (2024) *Rossiya i Yevropa*. Moscow, Ripol Klassik. 768 p.
- Reznik, Yu. M. (2017) *Fenomenologiya cheloveka: bytiye vozmozhnoye* : monografiya. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitatsiya». 632 p.
- Reznik, Yu. M. (2020) Dva proyekta tsivilizatsionnogo budushchego Rossii: Khantington protiv Danilevskogo (opyt sovremennoy rekonstruktsii). *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, no. 4, pp. 10–22.
- Smirnov, A. V. (2019) *Vsechelovecheskoye protiv obshchchelovecheskogo*. Moscow, ООО «Sadra», YASK. 216 p.

Shcherbatykh, Yu. V. (2006) *Problemy klassifikatsii ekzistentsial'nykh strakbovykh lichnos-tey. Natsional'nyye proyekty kak faktor sozidaniya sovremennoy Rossii : sb. nauch. trudov regional'noy mezhvuzovskoy nauch. konf. Voronezh, VF MGEI*. P. 176–178.

Submission date: 12.05.2025.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент Российского философского общества. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 609-90-76. Эл. адрес: reznik-um@mail.ru

Reznik Yuri Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Vice President, Russian Philosophical Society. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 609-90-76. E-mail: reznik-um@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.2.5

О конечном пункте «бегства от свободы» современного человечества

А. А. ГОРЕЛОВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН,

Т. А. ГОРЕЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается проблема свободы, представленная Эрихом Фроммом в его работе «Бегство от свободы» (1941). Размышления Э. Фромма на тему свободы пробуждают интерес к этой проблеме и через десятки лет. Понятие «свобода» не имеет однозначных философских трактовок. По происхождению оно восходит к индоевропейской основе *se-, sue-* (свой, себя). В Библии свобода рассматривается в двух аспектах: в социальном — как освобождение от рабства и в духовном — как внутреннее освобождение человека. В статье проводится анализ различий в понимании свободы в европейской и русской культуре.

Согласно Э. Фромму, человечество в процессе социальной эволюции и эволюции сознания разрушает первичные связи с природой, что сопровождается, с одной стороны, овладением ею, возрастанием роли разума, но, с другой стороны, усилением чувства бессилия и ничтожности отдельного человека. Авторы статьи выделяют три измерения системы «Свобода» — телесно-физическое (архетипическое), психосоциальное и духовно-культурное. «Телесная» свобода предстает как разница между генетико-физиологическими возможностями и такого же рода ограничениями. На психосоциальном уровне, согласно Фромму, рождаются негативные тренды, олицетворяющие «бегство от свободы» — авторитаризм, разрушительность, автоматизирующий конформизм. Настоящая реализация свободы возможна только на духовном уровне, когда замыкается триединство «Творчество ↔ Поиск истины ↔ Поиск смысла», в котором существование одного состояния без другого невозможно, а связи между ними имеют бесконечное количество степеней свободы.